

Джон Бересфорд
Только женщины

«Public Domain»

1913

Бересфорд Д. Д.

Только женщины / Д. Д. Бересфорд — «Public Domain», 1913

«Гослинг начал жизнь учеником народной школы и прошел – последовательно все градации от мальчишки рассыльного до старшего конторщика, пока не занял, наконец, своего нынешнего ответственного положения – заведующего счетной частью, с жалованьем 26 фунтов в месяц. Он нанимал квартиру в Вистерия-Грэв, Брондсбери, за 45 фунтов в год, был старостой в церкви Св. Евангелиста Иоанна в Кильберне, членом разных комитетов, и в минуты откровенности признался даже, что он не прочь выставить свою кандидатуру в Округном Совете. Словом, Гослинг был солидный, трезвый, во всех отношениях достойный уважения человек, с безукоризненной репутацией; теперь уже растолстевший, облысевший – кроме кустиков волос за ушами и длинной пряди, которой он безуспешно силился прикрыть все расплывшуюся лысину...»

© Бересфорд Д. Д., 1913

© Public Domain, 1913

Содержание

I	5
II	7
III	10
Мнение Джаспера Трейля	12
Лондон не верит	18
Чутье Мистера Баркера	21
Запертая дверь	24
Бедствие	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джон Бересфорд

Только женщины

I

– Куда это девчонки ушли? – допытывался мистер Гослинг.

– На Хай-Род, походить по магазинам. Они сейчас должны вернуться.

– Да. Как же! – сказал Гослинг. Он стоял, прислонясь к шкафчику для посуды; в кухне было душно, парно; он вытащил из заднего кармана сюртука огромный красный платок и громко высморкался. – Это платок, которым я вытираюсь после нюхательного табака; я принес его домой, чтоб отдать в стирку, – пояснил он и затем вынул другой платок, белый и чистый, которым отер вспотевший лоб.

– Что за грязная привычка – нюхать табак, – заметила миссис Гослинг.

– Как же быть-то? На службе ведь курить не позволяют.

– А что-нибудь делать для препровождения времени необходимо – так, что ли?

После этого разговора, повторявшегося с буквальной точностью каждую неделю уже четверть столетия, Гослинг вернулся к прежней теме.

– Очень уж они много заглядываются на витрины и не успокоятся, пока чего-нибудь не купят. Зачем они туда ходят?

– Как зачем? На будущей неделе начнутся распродажи. При наших средствах с этим надо считаться. Ну, однако, ты уходи отсюда. Поди-ка лучше умойся и переоденься. Обед мигом поспеет. Я девочек и ждать не буду, если они до тех пор не вернуться.

– Все эти распродажи – одно надувательство, – заметил Гослинг, но распространяться об этом не стал. Он пошел наверх, снял свой «служебный» утренний пиджак, заменил его коротеньким домашним, из альпага, снял манжеты, вложил их одна в другую и поставил на обычное место, на комод; заменил сапоги вышитыми туфлями, пригладил щеткой волосы, тщательно прикрыв лысую макушку длинными прядями седых волос; затем прошел в ванную вымыть руки.

Было время в жизни Джорджа Гослинга, когда он менее заботился о том, чтобы иметь приличный вид. Но теперь он был человеком с положением, и его дочери настаивали на соблюдении всех этих церемоний.

Гослинг начал жизнь учеником народной школы и прошел – последовательно все градации от мальчишки рассыльного до старшего конторщика, пока не занял, наконец, своего нынешнего ответственного положения – заведующего счетной частью, с жалованьем 26 фунтов в месяц. Он нанимал квартиру в Вистерия-Грэв, Брондсбери, за 45 фунтов в год, был старостой в церкви Св. Евангелиста Иоанна в Кильберне, членом разных комитетов, и в минуты откровенности признался даже, что он не прочь выставить свою кандидатуру в Окружном Совете. Словом, Гослинг был солидный, трезвый, во всех отношениях достойный уважения человек, с безукоризненной репутацией; теперь уже растолстевший, облысевший – кроме кустиков волос за ушами и длинной пряди, которой он безуспешно силился прикрыть все расплывшуюся лысину.

Таков был Джордж Гослинг в глазах своей жены, дочерей, соседей и директоров оптового склада, на который он сорок один год работал в Барбикане. И, однако же, в нем сидел другой человек, о присутствии которого сам Гослинг, пожалуй, не подозревал – очевидно, так мало заявлявший о себе, что даже лучшие приятели Джорджа Гослинга не упомянули бы о нем, если б им пришлось детально разобрать характер своего сослуживца.

И, тем не менее, когда Гослинг громко хохотал над каким-нибудь анекдотом, рассказанным одним из этих сослуживцев, вы могли быть уверены, что этого анекдота он не расскажет своим дочерям – разве, может быть, жене, и то не всякий. Если б вы вздумали понаблюдать за Джорджем Гослингом на улице, вы заметили бы, что он с большим и непонятным интересом заглядывается на ножки проходящих дам. А если б Гослинг осуществил на деле многие свои желанья и мечты, викарий церкви Св. Евангелиста Иоанна с омерзением уволил бы своего старосту. Комитеты исключили бы его из состава членов, а жена и дочери сочли бы его последним мерзавцем.

К счастью, Гослингу никогда в жизни не встречалось таких искушений, устоять перед которыми было бы свыше его сил. В пятьдесят пять лет он мог бы уже считать себя застрахованным от всяких искушений. На мысли свои, в часы досуга, он не налагал узды; но, все же, у него был идеал, управлявший его жизнью – идеал респектабельности. Джордж Гослинг считал себя – и другие его считали – человеком не менее достойным уважения, чем любой из его сограждан. И возможно, что в Лондоне было около четверти миллиона других людей, не хуже и не лучше его и не менее его достойных уважения.

II

Вытирая руки, Гослинг услышал внизу стук двери и затем голоса своих дочерей в коридоре, покрытые резким окриком из кухни: «Ну, девочки, поторапливайтесь. Обед уже готов, и отец вас дожидается».

Гослинг мелкими шажками спустился вниз и поздоровался с дочерьми. Он заметил, что на этот раз их поцелуи были горячее обыкновенного. И мысленно комментировал это: «Деньги понадобились на разные там „фалбалы“. Чудачки эти женщины! Вечно им нужны деньги на фалбалы».

За обедом он заранее занял оборонительную позицию и все время заводил речь о необходимости экономить. Он не видел, как Бланш через стол подмигивала Милли и не заметил тех красноречивых взглядов, которыми обменивались обе девицы с матерью. Подкрепившись обедом, Гослинг развеселился и пришел в обычное свое благодушное настроение, уверенный, несмотря на множество прецедентов, что дочери его по крайней мере убедились в безнадежности попыток выпросить у него денег.

Доверчивый человек даже позволил им начать атаку и сам помог им изложить свою просьбу.

Они говорили о помолвке своей подруги, и Гослинг, с недогадливостью, которой он никогда не обнаруживал в делах, заметил: – Когда уж это мои девочки выйдут замуж?

– Вы это о нас, папочка? – спросила Бланш.

– Ну, а какие же у меня другие девочки? – я таких не знаю.

– Как же вы хотите, чтоб мы вышли замуж, когда у нас ни одного приличного платья нет?

Нам прямо-таки нечего надеть.

Гослинг слишком поздно заметил, какое опасное направление принимает разговор.

– Пфа! Дело не в этом, – поспешил он встать в оборонительную позицию: – когда я ухаживал за вашей матерью, я и не замечал, что на ней надето.

– Я уверена, что вы не замечали, – возразила Милли, – и большинство молодых людей не замечают, как барышни одеты, а все-таки, все дело в этом.

– Конечно, в этом, – подтвердила Бланш. – Если девушка плохо одета, в наше время на нее никто и не посмотрит. Кто же захочет взять в жены замарашку?

– Разумеется, нельзя отрицать, костюм имеет большое значение, – согласилась миссис Гослинг, как бы против воли убежденная.

– А теперь как раз скоро начнутся распродажи...

Бедный Гослинг уже знал, что его игра проиграна.

Пока дочери еще не приступали к прямой атаке на его карман, но он уже знал, что, раз попав на эту соблазнительную тему, его дамы не отступятся от нее, пока, не добьются своего. Бланш уже говорила, что ей стыдно показаться на люди, и отец ее наперед знал, что сейчас она начнет доказывать, что, если не купить на распродаже, потом за то же самое заплатишь вдвое.

Напрасно Гослинг напускал на себя строгость, откидывался на спинку кресла, хмурил брови, качал головой и придавал своему лицу выражение бесповоротной решимости. Дальше следовало прямое нападение, в виде вопроса: «Разве вам приятно видеть нас оборванными, папаша?» и нерешительный ответ: «Ну, ладно, ладно. Сколько же вам надо? Я положительно не могу...» и затем обычная торговля, завершившаяся тяжким вздохом, после того, как минимальная сумма, потребная девицам – на этот раз целых пять фунтов – была с грустью вынута из кармана и передана в руки Бланш, твердившей: – Нам непременно сегодня нужны деньги, папочка, распродажи начинаются в понедельник.

В конечном счете он получил все компенсации, какие могли дать ему дочери: ласки и поцелуи, предложения услуг, самых невероятных; девочки притащили ему большое кресло,

усадили его, мигом убрали со стола, передвинули лампу как раз так, чтоб ему удобно было читать грошовую газету, которую он купил по дороге и принес с собой в кармане пальто. За газетой, разумеется, бегали тоже дочери. Выходило все чрезвычайно удобно, уютно и приятно, и Гослинг, человек добродушный и покладистый, опять развеселился.

– Помните только, вы, стрекозы, – заметил он с напускной строгостью, ставя на каминную решетку ноги в кожаных туфлях, – помните, что на эти деньги я смотрю, как на капитал, вложенный в дело. Вы обе должны выйти замуж, и поскорее, не то я обанкрочусь. Не забывайте, что я вам дал денег на ваши фалбалы не даром.

– Ну, что это, право, вы такое говорите, папочка. Какие ужасы! Словно мы ловим женихов! – надулась Бланш.

– А что же, разве не ловите. Ведь вы же сами говорили...

– Совсем не то мы говорили. Просто мы хотим быть мило и прилично одетыми. Я лично вовсе не тороплюсь замуж – покорно вас благодарю.

– погоди, пока явится настоящий он, тогда захочешь, – возразила миссис Гослинг и перевела разговор на другую тему, заметив: – Что, отец, какие новости сегодня в газете?

– Ничего особенно интересного. Это новая моровая язва, по-видимому, усиливается в Китае.

– И что это, право, нынче все выдумывают новые болезни! Или это просто старые называют по-новому? – вздохнула миссис Гослинг. Дочери ее склонились над листом бумаги, с обгрызком карандаша, который они поминутно слюнили: они были заняты какими-то вычислениями.

– Нет, эта, по-видимому, новая, – заметил Гослинг. – И странно: заболевают ею одни только мужчины.

– Ну, тогда нам, значит, беспокоиться нечего, – сказала Милли, больше из любезности, чем потому, что ее интересовал предмет разговора. Бланш была поглощена своими выкладками: ее невидящий взор был прикован к камину; она поминутно брала в губы карандаш, чтобы смочить его, и снова принималась лихорадочно писать.

– Ты думаешь? – повернул к ней голову отец. – А что с вами было бы и с вами, и со всеми остальными женщинами, если бы у вас не было мужчин, которые заботятся о вас?

– Я думаю, что, если б так случилось, мы бы отлично обошлись без них, – сказала Милли.

Гослинг подмигнул жене и вздернул подбородок кверху, как бы дивясь такой наивности. – Интересно знать, кто же тогда вам покупал бы ваши фалбалы?

– Никто. Сами бы зарабатывали.

– Посадил бы я тебя или Бланш за мою работу. Я уверен, что она и сейчас сделала с дюжину ошибок в своих вычислениях. Покажи-ка.

Бланш, неожиданно сброшенная с облаков, поспешно прикрыла рукой бумагу. – Нельзя. Не надо, папочка.

Гослинг сделал хитрое лицо. – В самом деле, нельзя? – Он притворился удивленным. – Но почему же? Должен же я знать, на что пойдут мои деньги. Я мог бы дать вам и несколько указаний с точки зрения мужчины.

Бланш покачала головой. – Я еще не подвела итога.

Гослинг не настаивал; он вернулся к прежней теме. – Не знаю, что бы делали вы, женщины, если б у вас не было мужчин, которые заботятся о вас.

Миссис Гослинг нежно улыбнулась ему. – Ну, надеюсь, до этого не дойдет. Китай далеко.

– Кажется, и в России был один случай заболевания. – Гослинг не прочь был развить эту тему: не мешает иной раз припугнуть женщин перспективой истребления мужчин, а то они не всегда помнят, что без мужчин им не прожить.

Миссис Гослинг незаметно зевнула. Она всячески старалась угодить мужу, но разговор наскучил ей. Она была практическая женщина, весь день работавшая, чтобы держать дом в

чистоте; дочери ей в этом очень мало помогали, а она только о том и мечтала, чтобы дочери ее в жизни устроились приблизительно так же, как она сама.

Милли и Бланш опять ушли в свои расчеты.

– В России? Подумайте! – сказала миссис Гослинг, чтобы что-нибудь сказать.

– Да. В Москве. Заболевший – служащий Сибирской железной дороги. «Как только было констатировано, что это – новая болезнь», – читал Гослинг из «Evening News», – «больного тотчас же перевезли в госпиталь для заразных и совершенно изолировали. Через два часа он умер. Принимаются усиленные меры к предотвращению возможности распространения заразы».

– А он был женатый? – поинтересовалась миссис Гослинг.

– Не сказано. Но дело не в этом, а в том, что, раз эта эпидемия занесена в Европу, кто ее знает, где она остановится.

– Ну, уж об этом позаботятся, можешь быть спокоен, – сказала миссис Гослинг, с несокрушимой верой в научные ресурсы цивилизации. – Там ведь даже сказано про это – там, откуда ты читал.

Но Гослинг стоял на своем. – Возможно. Но представь себе, что эта болезнь появилась в Лондоне, и половина мужчин не работает – как ты думаешь, что было бы с вами, женщинами?

Мисс Гослинг совершенно неспособна была к разрешению таких отвлеченных задач. – Ну, разумеется, – ответила она, – все знают, что женщине не обойтись без мужчины.

– Ага! Вот видишь. Вот то-то и оно, – торжествовал Гослинг. – И вы, девочки, не забывайте этого.

Милли хихикнула, а Бланш сказала: – Хорошо, папочка, не забудем.

«Девочки» снова занялись своими вычислениями: они теперь вычеркивали все, что не было «безусловно необходимым». На бумаге пять фунтов оказывались суммой очень маленькой.

Гослинг снова углубился в газету, которая скоро выпала у него из рук. Жена его подняла голову над шитьем и многозначительно приложила палец к губам. Бланш и Милли понизили голоса до шепота: глава семьи, работник и добытчик предался послеобеденному отдыху, оберегаемый подвластными ему и подопечными женщинами.

В эту минуту в Лондоне было, наверное, не меньше четверти миллиона таких добытчиков, которые, хоть, может быть, и разошлись бы в мнениях с Гослингом касательно реформы тарифов, или талантливости министра Государственного Казначейства, но в том, что он высказал в этот вечер, по существу, были бы с ним вполне согласны.

III

В половине десятого двойной стук в дверь известил о прибытии последней почты. Милли вскочила первая и побежала вынимать письмо.

Мистер Гослинг открыл глаза и уперся мутным, как у пьяного, взором в камин; затем, не шевеля остальными членами, машинально потянулся левой рукой за упавшей газетой. Ощупью нашел ее, поднял и сделал вид, будто читает; но глаза у него сами собой слипались.

– Это почта, дорогой мой, – сказала миссис Гослинг.

Гослинг зевнул, широко раскрыв рот. – Кому письмо? – спросил он.

– Милли! Милли! Почему ты не несешь писем сюда?

Милли, не отвечая, медленно вошла, держа в руках письмо, которое она внимательно рассматривала.

– Кому письмо, Милли?

– Папаше. Из-за границы. Почерк как будто знакомый, но никак не могу вспомнить, чей.

– Давай сюда письмо – вот и узнаем, девочка, – решил Гослинг, и Милли неохотно рассталась с заинтересовавшей ее загадкой.

– И мне этот почерк знаком. – И Гослинг тоже, вероятно, предался бы разным догадкам и предположениям по этому поводу, если б не его дамы.

– Ну, папаша, что же вы не распечатываете? – торопила Милли, а миссис Гослинг поверх очков смотрела на мужа, говоря: – Наверное, это деловое письмо – ведь оно из-за границы.

Наконец, письмо было распечатано. Все три женщины впились глазами в лицо Гослинга.

– Ну! – не выдержала Милли. – Что же вы, папаша, не говорите нам, от кого письмо?

– А вот угадайте. Ни за что не угадаете.

– Кто-нибудь из знакомых?

– Да, и джентльмен.

– Ну, папаша, говорите же.

– От мистера Трэйля, нашего бывшего жильца.

– О, Боже! Это от нашего привередника? Я думала, его давно и на свете нет.

– Он уже четыре года, как уехал от нас, – вставила миссис Гослинг.

– Даже целых пять лет, – поправила Бланш. – Я помню, что, когда он жил у нас, я делала высокоую прическу.

– Что же он пишет? – поинтересовалась Милли.

– А вот что: «Дорогой мистер Гослинг, наверное, вы удивитесь, получив от меня весточку после пяти летнего молчания»...

– Я говорила: пять лет, а не четыре, – вскричала Бланш. – Читайте дальше, папочка.

Папочка продолжал читать: – «... но я все это время странствовал по свету, и у меня не было возможности вести переписку. Теперь пишу, чтобы предупредить вас, что через несколько дней я буду в Лондоне и не прочь был бы опять снять комнату у вас, если найдется».

– Мне кажется, он мог бы написать об этом мне, – слегка обиделась миссис Гослинг.

– Конечно, – согласился ее муж. – Но этот Трэйль всегда был чудачком.

– По-моему, он с пунктиком, – вставила Бланш.

– И это все? – спросила миссис Гослинг.

– Нет. Дальше он пишет: «Не могу дать вам адреса, так как, сейчас еду в Берлин, но побываю у вас лично в первый же день приезда. В Восточной Европе сейчас не безопасно. В Москве было уже несколько случаев заболевания новой моровой язвой, но власти всячески замалчивают это и не позволяют об этом писать в газетах. Искренно ваш, Джаспер Трэйль».

– Еще чего выдумал! Надеюсь, не возьмете же вы его теперь платным жильцом? – сказала Бланш.

Гослинг и жена его задумчиво переглянулись.

– Положим... – начал было Гослинг.

– Он может занести заразу, – подсказала миссис Гослинг.

– Ну, этого бояться нечего, но жильцов-то нам теперь не нужно. Пять лет назад, когда я еще не был заведующим...

– Ну, разумеется, папаша. Что сказали бы соседи, если бы узнали, что мы опять сдаем комнаты?

– Я сам об этом думал. Но, все же, пусть зайдет, так просто, в гости. Тут дурного нет.

– Конечно, – поддержала миссис Гослинг, – хотя я все же нахожу, что ему следовало написать об этом мне.

– Я вам говорю: он с пунктиком, – повторила Бланш.

Гослинг покачал головой. – Ну, это вы напрасно. Он малый с головой.

– А что, девочки, не пора ли бай-бай? – спросила мать, откладывая свое штопанье.

Гослинг опять зевнул, потянулся и грузно поднялся с кресла. – Я, по крайней мере, не прочь. – Он опять зевнул и пошел обходить дом, как всегда делал это перед сном.

Вернувшись в гостиную, он поцеловал дочерей, и они вместе с матерью пошли наверх. Гослинг заботливо вытащил из огня наиболее крупные куски угля и пригреб их к решетке, свернул коврик, лежавший у камина, убедился, что окно заперто на задвижку, погасил лампу и последовал за своим «бабьем».

– Курьезная история с этой новой эпидемией, – говорил он, раздеваясь, жене. – По-видимому, одни только мужчины заболевают ей.

– Ну, в Англию ее не пустят.

– Не пустят-то не пустят – это само собой разумеется, но, все-таки, курьезно – почему же это женщины ею не заражаются?

Совершенно так же, как Гослинг, судило и огромное большинство населения Англии. Он ничего не боялся, потому что глубоко верил в энергию и бдительность правительства и в то, что оно располагает огромными ресурсами для предотвращения эпидемии. Чего же бояться? Заботиться о таких вещах – дело правительства, а если оно не знает своего дела, на то есть письмо в газеты. Уж газеты заставят властей выполнить свой долг. Как именно власти могут отвратить опасность, никто из многочисленной породы Гослингов толком не знал. Смутно они представляли себе, что тут должен орудовать Медицинский Департамент, или Санитарные Комитеты; смутно связывали их деятельность с местными органами управления, во главе которых, без сомнения, стоит какая-нибудь правящая власть – может быть, даже верховный глава правительства, на которое все нападают, но которое, тем не менее, отечески печется о гражданах страны.

Мнение Джаспера Трейля

– Боже мой, как я вас завидую, – говорил Морган Гэрней.

Джаспер Трэйль слегка нагнулся к нему, не вставая с кресла. – Я не вижу причины, почему бы и вам не сделать того же, что сделал я – и даже больше.

Теоретически, и я не вижу. Но на практике трудней всего начать. Как видите, у меня весьма приличная служба, хорошие перспективы, живется мне удобно, и жизнью своей я доволен. А вот как придет кто-нибудь вроде вас и начнет соблазнять рассказами про дальние края, так и потянет к морю, к приключениям, и захочется увидеть свет. Но это только изредка – а так я, вообще, доволен жизнью. – Посасывая трубочку, он глядел в огонь.

– Единственное, что действительно важно в жизни, это чувствовать себя физически чистым, сильным и здоровым. А этого чувства вы никогда не испытаете, если проживете всю жизнь в большом городе.

– Мне случалось так чувствовать себя после хорошей прогулки на велосипеде.

– Да, но вам некуда было девать накопившуюся энергию. А вот, если бы в такой момент перед вами встала какая-нибудь неотложная и грозная задача, от которой, может быть, зависит ваша жизнь, вы бы действительно кое-что испытали – почувствовали себя частицей жизни – не этой, мертвой, застойной, какой живут в столице, а жизни мировой, вселенской.

– Верю. Сегодня я почти готов бросить службу и отправиться на поиски тайн и приключений.

– Но вы этого не сделаете.

Гэрней вздохнул. Гость его поднялся и стал прощаться. – Ну, мне пора. Надо еще приискать себе какое-нибудь помещение.

– Я думал, что вы остановитесь у этих, ваших Гослингов.

– Нет. Не вышло. Старик получает теперь 300 фунтов жалованья, и находит, что в его положении неприлично держать нахлебников.

Трэйль взял свою шляпу и протянул руку.

– Но позвольте, старина, почему бы вам не остаться здесь?

– Я не знал, что у вас есть куда меня сунуть.

– О, да! Внизу найдется свободная комната.

Они скоро сговорились, при чем Трэйль настоял, чтобы расходы они делили пополам.

Когда Трэйль ушел за своим багажом, Гэрней долго еще раздумывал, глядя в огонь. Он раздумывал о том, благоразумно ли он поступил, и полезно ли для человека, состоящего на государственной службе и получающего 600 фунтов в год жалованья, дружить с такой оригинальной и волнующей личностью, как Трэйль, и слушать его рассказы о диких уголках вселенной, не знающих никакой цивилизации. Поставив вопрос ребром, Гэрней мог прийти только к одному выводу: – что было бы дико и глупо с его стороны бросить удобную и выгодную службу и обречь себя на лишения, неудобства и отсутствие прочного заработка. Он знал, что лишения будут ему, по крайней мере, вначале, весьма чувствительны. Друзья сочли бы его сумасшедшим... И все это только для того, чтобы испытать какие-то новые, неизведанные ощущения, почувствовать себя чистым, сильным, здоровым и способным приподнять завесу над еще не раскрытой тайной жизни.

– Должно быть, во мне сидит поэт, – решил Гэрней. – А неудобств я недолюбиваю... Эх, куда только не заведет человека пылкое воображение!

* * *

Каждый вечер друзья беседовали, все на ту же тему. Трэйль поучал, Гэрней довольствовался ролью покорного ученика. Ум у него был восприимчивый и в жизни, в сущности, все его интересовало; но фактически его интересы и работа его ума были очень сужены. В двадцать девять лет он уже утратил гибкость ума и тела. Трэйль вернул ему способность мыслить, вырвал его из рамок готовых формул, доказал ему, что, как ни здравы его выводы, у него нет ни одной предпосылки, которой нельзя было бы опровергнуть.

Трэйль был старше Гэрнея на три года. Восемнадцати лет, получив довольно крупное наследство, он взял из него всего 100 фунтов и пустился в свет – утолять свое ненасытное любопытство и жажду жизни. Он работал в клондайкских рудниках, был скотоводом в Австралии, плантатором на острове Цейлон, рудничным надсмотрщиком в Кимберлее и конторщиком в Гонконге. Простым матросом, расплачиваясь за проезд работой, он приплыл из Сан-Франциско в Соутгэмптон. Девять лет он ездил по свету, не заглянув в Европу, затем вернулся в Лондон и вступил во владение наследством, которое сберегли для него душеприказчики. Швырять деньгами не доставляло ему удовольствия. За полгода, что он прожил в Лондоне, он жил очень скромно, нанимая комнату у Гослингов в Кильберне и, чтоб не сидеть сложа руки, изучал город, забираясь в самые глухие уголки, и писал статьи в газетах. Он мог бы много этим зарабатывать: оригинальность взглядов и свежесть стиля делали его ценным сотрудником в каждой редакции, где ему удалось хоть раз заставить прочесть свою статью, а это нетрудно в Лондоне для человека, у которого есть, что сказать. Но он искал опыта, а не заработка и через полгода принял предложение от «Daily Post» быть ее европейским корреспондентом – из пространства. Ему предлагали 600 фунтов в год за определенное количество работы, но он предпочел сохранить свободу действий и не связывать себя определенным городом, или страной.

Пять лет он путешествовал по Европе, изредка посылая в свою редакцию статьи – когда ему нужны были деньги. За это время главный его поверенный – адвокат с солиднейшей репутацией – бежал, захватив деньги своих доверителей, и у Трэйля осталось всего 40 фунтов в год. Но он ничуть этим не огорчился.

Прочитав в газете о банкротстве своего поверенного – впоследствии приговоренного к 14 годам каторжных работ, Трэйль усмехнулся и забыл об этом думать. Он знал, что всегда сумеет заработать себе, сколько ему нужно, и никогда не считался с тем, что у него есть запасной капитал.

Теперь он вернулся в Лондон с определенной целью – предостеречь Англию насчет грозящей ей большой опасности...

Еще одна черта, которую следует принять во внимание в характере Джаспера Трэйля, черта, отличавшая его от огромного большинства других мужчин – женщины не интересовали его, не имели над ним власти. Раз в жизни и только один раз он поддался чарам хорошенькой кокетки – это было в Мельбурне. Он сознательно проделал опыт, чувствуя, что нельзя же обойти, не изведав его, такой крупный фактор в жизни. И вынес из этого опыта – отвращение к себе, от которого ему нескоро удалось отделаться.

* * *

Гость и хозяин вели между собой долгие беседы, по большей части принципиальные, идейные. Однажды речь зашла о Гослингах, и Трэйль сказал, что это – типичная семья своего круга, что таких миллионы.

– Но ведь это-то и делает их интересными, – возразил Гэрней, не потому, что он так думал, но потому, что ему хотелось перевести разговор на безопасную почву, подальше от грозных соблазнов широкой и влекущей дали.

Трэйль засмеялся. – В этом больше правды, чем вы думаете. Всякое широкое обобщение, хотя бы и тривиальное, есть ценное приобретение для науки, – если оно более или менее точно.

– Ну, так попробуйте сделать общие выводы из характеров и поступков вашего гусиного¹ семейства.

– В старике есть искра божья, но и ее увидишь редко и как свет сквозь потускневшее, давно немытое окно. И в то же время, это – похотливая старая скотина; он слывет порядочным, приличным человеком, ведет так называемую респектабельную жизнь только потому, что он боится общественного мнения; но найди он способ удовлетворять свое сластолюбие так, чтобы об этом никто не знал, ни одна женщина не могла бы считать себя с ним в безопасности. Но он боится быть пойманным на месте преступления; ему мерещатся опасности даже там, где их нет; он предвидит всякие возможности; если б даже шансов попасться был один против миллиона, он не рискнул бы, так как он рискует всем – своей репутацией порядочности.

– Ну, что ж, и хорошо. А как вы думаете?

– Для общества, по-видимому, хорошо, но для него самого – вовсе нет. Я уже говорил вам, что в нем теплится искра божья, но вне рутины своей службы, уж у него темный, путанный. Ему лет пятьдесят, не больше, но у него уже нет выхода его желаниям. Ему точно закупили поры, и тело его отравлено. И в этом отношении Гослинг, бесспорно, не представляет собой исключения из людей своего класса и, вообще, из большинства цивилизованных людей. Вот я и спрашиваю себя: может ли в обществе, состоящем из взаимно зависящих одна от другой единиц, целое быть здорово, когда большая часть составных элементов гнилье?

– Но позвольте, дружище, если дело обстоит так, как вы говорите, и в то же время люди эти правят страной, почему же они не стараются изменить настроение общественного мнения, чтобы открыть себе возможность жить так, как им хочется?

– Во-первых, потому, что большинство сами стыдятся своих вожделений, во-вторых, потому, что они не желают предоставить той же возможности другим. Они, как женщины, завидуют друг другу. Если бы были признаны права свободной любви, они не могли бы быть спокойны и за свое собственное достояние.

– Так как же помочь горю?

– О! Это выйдет само собой. Еще несколько тысяч лет морального совершенствования, эволюция самосознания, более полное постижение смысла жизни, более развитый альтруизм...

– Не далеко же вы заглядываете вперед.

– А вы думаете, можно предвидеть даже то, что будет через год?

– Ну, были попытки, и довольно удачные – например, Сведенборг, Самюэль Бутлер...

– Да, до известной степени это справедливо – некоторые отрасли развиваются в определенном направлении. Но всегда остается возможность непредвиденного фактора, который врывается в готовые расчеты и все их опрокидывает. Таким фактором может быть какое-нибудь новое изобретение, революция, наконец, эпидемия...

Они отклонились от темы, но Гэрней вспомнил, что он хотел кой о чем спросить и позабыл.

– Кстати, я хотел спросить вас, что вы подразумеваете под «искрой Божьей», подмеченной вами в Гослинге.

– Проблески воображения, удивления перед окружающим. Изредка, но это с ним бывает, подчас бес сознательно. Один раз мы стояли с ним на Блэкфрайэрском мосту; он смотрел, смотрел вниз, на реку, и говорит: «Должно быть, она прежде была чистая, вода и песок, и

¹ Goslings – гусята, стадо гусей.

берега, прежде чем сюда нанесло всей этой грязи». И сейчас же вскинул на меня глаза – не смеюсь ли я над ним. Эта попытка воссоздать из грязи первоначальную чистоту реки, уже одна случайная мысль об этом – свидетельствует о том, что в душе этого человека живет искра Божья. Разумеется, она тотчас же погасла. И сказалось привитое воспитанием. «Но в таком виде она лучше для торговли» – таковы были его дальнейшие слова.

– Но как же вы надеетесь перевоспитать такого человека?

– Дорогой мой, пытаться перевоспитать таких людей так же бесполезно, как пытаться направить в другую сторону течение Гольфштрема. Мы не архитекторы; в лучшем случае, мы каменщики, и, если кому из нас удалось за свою жизнь положить на место два-три камня – он уже оправдан. Надо делать то, что можешь. Замысел строителя мы можем только угадывать. И нередко нашей обязанностью оказывается – разрушать то, что строили наши отцы.

Гэрней поинтересовался тем, есть ли искра Божия и в миссис Гослинг.

Трэйль покачал головой. – Не замечал. Я ее не осуждаю, но она, как и все женщины, с которыми я сталкивался, слишком поглощена фактами жизни, чтобы заметить, что в ней есть тайна. Миссис Гослинг неспособна сосредоточиться на отвлеченной идее; чтобы скольконибудь осмыслить эту идею, ей нужно сперва применить ее к себе, проверить на своем личном опыте. Нравственные люди в ее глаза те, кто поступает так же, как она и ее домашние; безнравственные – понятие довольно неопределенное: тут и Сара Джонс, которая, не будучи замужем, родила ребенка, и те, кто не верит в Бога и в установленную церковь. О людях и вещах она еще может рассуждать, но идеи, обособленные от людей и вещей, выше ее понимания. Обе ее дочери рассуждают точно так же...

* * *

Только через неделю, если не больше, после того, как он поселился у Гэрнея, Трэйль объяснил ему, зачем он собственно приехал в Лондон. Однажды, в холодный январский вечер, когда оба приятеля грелись у огня, Гэрней, подбросив угля в камин, сам завел об этом речь, заметив:

Однако, какое теперь везде затишье. «Evening Chronicle» за неимением новостей, опять подняли разговор об этой новой повальной болезни.

– Что же они говорят? – спросил Трэйль. Он полулежал в кресле, глядя свое колено, и смотрел в потолок.

– Да, обычный вздор. Что болезнь эта не изучена, как следует, не описана врачами специалистами; что в данный момент она, по-видимому, локализована в небольшом уголке Азии, но, если будет занесена в Европу, это угрожает серьезной опасностью, а дальше городят чепуху про неизведанные силы природы – должно быть, автор начитался Уэльса.

– Да, англичане двадцатого века не допускают даже мысли, чтоб им могла угрожать какая-нибудь серьезная опасность. О нас так заботятся, так охраняют нас, что мы палец о палец не ударим, хотя бы нас предупреждали об опасности. Мы глубоко уверены, что стоит правительству шевельнуть пальцем, как все уладится и обойдется благополучно.

– А как же иначе? В социальном организме, каким стало в наше время общество, и не может быть иначе. Одна группа выполняет одну функцию, другая – другую и т. д.

– Специализация клеточек? – засмеялся Трэйль. – Со временем, совершенствуясь, она может дойти и до социализма.

– Я убежден, что социализм рано или поздно воцарится в той или иной форме, – сказал Гэрней.

– Да, и это могло бы быть интересно, но высшие силы могут подложить такую спицу в колесо колесницы прогресса, что на время вся машина остановится.

– Чего вы это еще выдумали?

– Вдумчивый человек, – сказал Трэйль, все еще глядя в потолок – попросил бы меня определить точнее, что именно я разумею под «высшими силами».

– Ну, старина, я знал, что даже вы, при всей вашей талантливости, не сумеете этого сделать; по этому предпочел от пустой болтовни перейти прямо к сути.

Трэйль неожиданно выпрямился и переставил свой стул так, чтобы видеть лицо своего собеседника.

– Послушайте, Гэрней, – начал он, и зрачки его так сузились, что казались теперь черными кристаллами, светящимися темно-красным светом. – Замечали вы когда-нибудь, что какая-то внешняя сила всегда стремится отклонить прогресс человечества с намеченного им пути, что всякий раз, как народы стремятся выкристаллизироваться, этот процесс кристаллизации нарушается каким-нибудь вторжением извне. Это можно проследить по всей истории, но наиболее яркие случаи, бросающиеся в глаза – египтяне и инки. Есть какая-то невидимая сила – уж не знаю, можно ли назвать ее разумной и сознательной, в том смысле, как мы понимаем разум – но, тем не менее, есть сила, внешняя, которая не позволяет человечеству выкристаллизироваться в организм. С нашей, человеческой точки зрения, с точки зрения индивидуального комфорта и счастья, было бы огромным благом для нас, если бы мы могли выработать у себя такую систематическую специализацию, при которой личность потонула бы в коллективе. И, в периоды мира и благоденствия, цивилизация всегда склонна эволюционировать именно в этом направлении. Но, как настойчиво доказывают индивидуалисты, в этом направлении прогресс может идти лишь до известного предела; дальше уже начинаются застой, вырождение и смерть. За тот небольшой промежуток времени, который нам известен, как история рода человеческого, еще ни разу не было момента, когда бы цивилизация стала мировой, вселенской. Как только какой-нибудь народ, достигнув утонченной цивилизации, начинал вырождаться, на него нападал другой, более молодой, варварский, и сметал его с лица земли. В Перу, благодаря обособленности инков, этот процесс цивилизации зашел очень далеко, – и, очевидно, до предела, ибо тут они были завоеваны и истреблены представителями нового мира – Испании и Англии – те цивилизации, ведь, были значительно древнее наших, европейских.

– Теперь мы переживаем такой момент, когда все нации находятся в общении одна с другой, и прогресс становится всеобщим. Нашему взору уже рисуется перспектива воцарения социализма, и в Европе, и в колониях, и за океаном, и торжество идеи всесветного мира. На наших глазах идет могучий процесс кристаллизации, сулящий счастье и благоденствие массам и индивидууму. Откуда же, спросите вы, может вторгнуться сила, которая нарушит течение этого процесса. Было много толков о желтой опасности, о вторжении к нам азиатов: китайцев, или индусов, – но эти восточные цивилизации древнее наших, а если принять во внимание исторические прецеденты, завоеватели всегда принадлежали к расе более юной. – Он круто оборвал речь.

Гэрней слушал, не шелохнувшись, точно загипнотизированный, подавленный обаянием силы, которую он чувствовал в Трэйле, прикованный к месту пристальным, властным взглядом этих удивительных черных глаз. Но, когда Трэйль остановился, чары рассеялись.

– Ну, – сказал Гэрней, – по моему, это весьма убедительный довод в пользу того, что мы находимся в стадии всеобщего прогресса и всемирного стремления к идеалу.

– А вы не можете себе представить катастрофы, которая бы вынудила мир вернуться к прежней обособленности наций и заставила каждый народ начинать свою эволюцию сызнова и отдельно от других?

Гэрней подумал минутку и покачал головой.

– Это меня не удивляет, – сказал Трэйль. – Я сам часто раздумывал об этом и не мог представить себе катастрофы, которая могла бы сыграть роль всемирного потопа. Вот уже сколько лет идет разговор о возможности европейской войны, но даже и она могла бы оказать лишь временное действие, несмотря на грозные пророчества Уэльса в его «Воздушной войне». Сколько

я ни думал, я не мог придумать и уже готов был признать ошибочность своей теории и отказаться от нее, но...

– Но? – повторил Гэрней.

Трэйль нагнулся еще ближе и заглянул ему в глаза.

– Но семь недель тому назад, когда, я был в Северном Китае, передо мною встало решение проблемы, но такое жуткое, такое страшное, что я с ужасом отверг его. Несколько дней я боролся против собственного убеждения. Я не мог этому поверить. Я не хотел этому верить.

– Там, в Азии, в ста пятидесяти милях от границы Тибета, неведомые силы посеяли семя, которое тайно для всех вызревало и всходило в течение года. Там это семя пустило корни и дало ростки, и оттуда распространяется дальше и дальше, все быстрее и быстрее, и может распространиться по всему миру, словно ядовитое и с невероятной быстротой растущее растение, семена которого подхватывает ветер и разносит их повсюду. И круг все ширится, и каждое упавшее семя становится новым центром распространения заразы.

– Но, ради Бога, что же это за семя? – шепотом спросил Гэрней.

– Новая болезнь – новая моровая язва – донныне неведомая человеку. И именно потому, что человек ее не знает, он против нее безоружен. В тех горных китайских селениях, где она появилась впервые, уже совсем не осталось мужчин. Все работы выполняют женщины. От этих селений все бегут, как от поселков прокаженных. Их обходят за пять миль. Но, тем не менее, через неделю-другую болезнь обнаруживается в новом селении, и жители в страхе и ужасе бегут и разносят заразу.

– Гэрней, она уже занесена в Европу. Сейчас уже есть новые очаги распространения заразы в России. Если ее не остановить, она дойдет до Англии. А болезнь эта беспощадна. Она косит не десятого, а всех – прямо-таки истребляет – мужчин; по словам китайцев, не заболевает разве один из десяти тысяч. Может быть, это и есть выступление на сцену «высших сил», о которых я говорил – стремящихся разобщить между собою народы.

Лондон не верит

Миссия Джаспера Трэйля была не из легких. Англия не хотела слушать его предостережений. Одни называли его фанатиком и смеялись над ним; другие говорили, что он страшно преувеличивает опасности и что, конечно, ее сумеет предотвратить санитарный департамент, который так блестяще справился недавно с эпидемией цинги. Но были и люди, судившие иначе.

Первый, с кем он откровенно поделился своими страхами и опасениями, был Ватсон Максвелль, редактор «Еженедельной Почты». Внимательно выслушав, он сказал:

– Да, на это, несомненно, надо обратить внимание. Может быть, вы взяли бы поехать туда в качестве нашего специального корреспондента и давать нам систематические сведения?

– Теперь не время, – возразил Трэйль. – Дело не терпит отлагательства.

Максвелль сдвинул брови и зорко воззрился на своего собеседника.

– Вы действительно убеждены, что это так серьезно, Трэйль? Но какие же у вас данные на это, помимо сведений из Китая?

– Я знаю, что в России было уже несколько случаев заболевания.

– Да, да; и я не сомневаюсь в этом. Но, если только вы фактически не докажете мне, что болезнь эта безусловно смертельна, я предпочел бы не распространяться о ней в данное время. Во-первых, «Evening Chronicle» последние три-четыре дня не переставая, кричит о ней, и я не вижу, что мы можем к этому прибавить, если только у нас не найдется новых сведений. Во-вторых, на следующей неделе парламент возобновляет заседания, и мне сдается, что эта сессия будет очень бурной, а в таком случае парламентские отчеты оттеснят на второй план все другое. Но, если вы согласны быть нашим корреспондентом, мы с удовольствием пошлем вас.

– Через неделю у вас уже не будет надобности в собственном корреспонденте. Вы, очевидно, не понимаете, что я не заработка себе ищу. Я не стремлюсь писать статьи в газетах и даже не требую с вас платы за сведения, которые доставляю. Я предвижу серьезную опасность для Англии, которая с каждым часом растет, так как русское правительство запрещает писать о росте эпидемии. Поймите же, что на нас идет беда. Если вы хотите послать корреспондента, пошлите лучшего врача, какого вы только сможете найти, и притом, бактериолога.

Нельзя было усомниться в том, что Трэйль говорит серьезно, и Максвелль, не только хороший редактор, но умный и способный человек, не мог не признать опасности. К несчастью, интересы его издателей как, раз в этот момент требовали больших усилий в смысле поддержки шаткого либерального правительства, которое стояло у власти уже четыре года и теперь находилось при последнем издыхании. С точки зрения издателей, из которых трое были в рядах правительства, было чрезвычайно важно оттянуть роспуск палаты до осени, когда, на избирательных митингах, оно может вернуть себе популярность защитой билля об уравнивании в правах церквей. Иными словами, в данный момент, правительству всего важнее было угодить большинству избирателей – что и во всякое время составляет главную задачу представительного правительства.

– Если б это было в другое время – момент уж больно неудобный, – сказал Максвелль и отодвинул стул, давая понять, что разговор окончен; Трэйль поднялся и поднял свою шляпу.

– Мы охотно поместим все статьи, которые вы нам пришлете, – ласково улыбнулся на прощанье Максвелль, – но начать кампанию, в данный момент, вы понимаете, я не могу.

Было уже около четырех, но Трэйль еще не успел захватить Гровса из «Evening Chronicle».

Гровс уже надел шляпу, чтобы ехать пить чай в свой клуб, когда ему подали визитную карточку Трэйля. Он велел сказать, что просит подождать мистера Трэйля в приемной внизу.

Трэйль уже имел некоторый опыт по части газетных порядков, и для него такой ответ был равносителен отказу в приеме. Он знал, как разговаривают редакторы и что значит, когда

редактор отвечает, что он сойдет вниз, в приемную. Не в первый раз его третировали, как страхового агента, или комиссионера, которому отвечают: «Благодарю вас, не – сегодня; как-нибудь в другой раз».

Но на этот раз он ошибся. Гровс уже обратил внимание на статьи Трэйля, и хотя считал полезным и дипломатическим заставить его прождать десять минут, все же не имел намерения оскорбить его.

Гровс вышел в приемную с рассеянным видом. – Извините, что заставил вас дожидаться, мистер Трэйль. Мне надо было кончить работу. У вас какое-нибудь особенное дело ко мне?

– Да. Кое-какие факты относительно этой новой эпидемической болезни, которой, по моему, печати следует заняться, и безотлагательно.

Гровс сделал гримасу и покачал головой. – Знаете, что? Поедемте со мной в клуб, выпить чаю – там и потолкуем.

Не сомневаясь в утвердительном ответе, он круто повернулся и пошел, предоставляя гостю следовать за ним.

В таксомоторе Гровс все время говорил о недостатке изобретательности и оригинальности в строительстве аэропланов. Он, по-видимому, принимал за личную обиду, что до сих пор аэропланы не сумели приспособить для пассажирского сообщения на кратких расстояниях.

И только за «чаем» – который он заменял виски с содовой водой, зашел разговор о деле.

– Видите ли, дорогой мой, – начал Гровс, дело в том, что наша кампания не произвела эффекта. И после сегодняшнего дня я думаю прекратить ее, не сразу, постепенно. Сейчас нам, видите ли, надо вынудить правительство подать в отставку, и я начинаю новую кампанию. Пока не могу сообщить вам подробностей, но вы сами увидите – она начнется в понедельник. – Подобно Максвеллю, и Гровс говорил о редакции то в единственном числе, то во множественном, как бы разграничивая инициативу и ответственность издателей и редактора.

Гровса серьезность положения вовсе не пугала. Он, по-видимому, находил, что легкая эпидемия в Лондоне могла бы даже пригодиться, с некоторых точек зрения. Публика стала уж слишком равнодушной – необходимо разбудить ее, – а, главное, необходимо сплавить нынешнее правительство.

Он не прочь был привлечь Трэйля к сотрудничеству в «Evening Chronicle» на другие темы, но о том, чтобы ехать в Россию в качестве специального корреспондента, речи не было.

* * *

Грант Лэси, из «Таймса», выслушал Трэйля серьезно и внимательно, и затем, в красивой речи, которая длилась двадцать минут и от которой сам он был в восторге, разбил все опасения и выводы Трэйля, доказав их полную неосновательность. Тем не менее, Лэси очень интересовался положением дел вообще в России и предлагал Трэйлю блестящие условия, если он согласится, объехать Петербург, Москву, Киев, Варшаву – и затем, по возвращении, дать ряд статей. При этом можно будет упомянуть и о новой эпидемии, если Трэйль останется при своем мнении, что есть причина тревожиться.

Трэйль обошел редакции девяти главных газет; всюду было то же: либо его предостережения не принимали всерьез, либо говорили ему, что он преувеличивает. В действительности, его неуспех обуславливался двумя причинами – во-первых, критическим положением правительства; во-вторых, преждевременной компанией, начатою «Evening Chronicle», отбившей охоту делать то же у других, менее предприимчивых газет.

Дальнейшим шагом Трэйля были аудиенции у министров и влиятельных членов оппозиции; но тут он встретил еще меньше внимания и сочувствия; многие совсем отказались принять его; другие отнеслись глубоко равнодушно. Председатель санитарного департамента

заявил ему, что они уже обратили внимание на эту эпидемию и принимают меры; остальные, видимо, были поглощены более неотложными делами.

Но меньше, чем через две недели после начала своей собственной кампании, Трэйль получил письмо с надписью: «прочное» от редактора «Daily Post». Было уже около полуночи, но посланный ждал в таксомоторе.

Письмо гласило: «Наш агент телеграфирует о трех случаях заболевания в Берлине. Не можете ли приехать в редакцию немедленно. – Максвелль».

Чутье Мистера Баркера

В своей философии (если только это не слишком большое слово для его довольно неопределенного мировоззрения) Джаспер Трэйль отводил видное место «высшим силам», по-видимому, специально поставившим себе задачей вмешиваться в человеческие начинания и расстраивать их. Без сомнения, в распоряжении этих сил были различные орудия, так как они оказывали свое влияние в различных направлениях. В данном случае, работа этих сил была весьма сходна с теми методами, какие принято приписывать так называемому Провидению, которое одинаково держит в своей власти и невообразимо великое, и невообразимо малое.

Джордж Гослинг не подходил ни под одно из этих определений. Он был умеренного роста и полноты, а умом скорее скуден, но ни физическим развитием, ни умственным убожеством не выдавался среди своих ближних. На службе начальство и сослуживцы считали его человеком деловым и способным, как раз в меру полным и представительным для служащего фирмы, ведущей крупную оптовую торговлю.

В четверг утром, когда в газетах появилось известие о новом случае моровой язвы в Берлине, Гослинга вызвали в частный кабинет директора по какому-то делу, касавшемуся счетной части.

Старший партнер фирмы Баркер и Принц были натура пылкая, алчная, изобретательная; фамилия его первоначально оканчивалась на «штейн», но в Англии он для удобства и краткости конец ее отбросил. Принц был толстый, круглый, приветливый и шумный, но глаз имел зоркий и покупать умел выгоднее всех.

Уже перед самым уходом высшие силы обратили свое внимание на Гослинга и неожиданно для него самого заставили его сказать:

– А в Берлине опять новое заболевание.

Мистер Принц засмеялся и подмигнул своему бухгалтеру. – Да, скоро некоторым из нас, чего доброго, придется заводить себе гаремы. – И снова засмеялся, еще громче прежнего.

– Но больше, кажется, случаев не было. Фи не слыхал? – осведомился м-р Баркер.

– Нет, представьте, слышал, – сказал Гослинг. – Недели две тому назад у нас был прежний наш жилец, – молодой человек, только что вернувшийся из России – так он уверяет, будто в России эта моровая язва свирепствует, как лесной пожар.

Мистер Принц снова засмеялся, а мистер Баркер, видимо, уже занялся другим, когда высшие силы осенили Гослинга первым и единственным в его жизни вдохновением. Осенило его совершенно неожиданно, и он выразил это так же просто и вяло, как если бы здоровался с рассыльным.

– А я думал, сэр (до этого момента он никогда об этом не думал), что не мешало бы нам, как говорится иметь глаз за этой чумой, или как она там называется.

– Ah! Zo? – откликнулся мистер Баркер; и Гослинг правильно истолковал это восклицание в том смысле, что патрону желательно получить разъяснения.

– Я собственно, вот что думаю, – продолжал он. – С вашего позволения, сэр, хотя чума эта, так сказать, еще в зародыше, но очень вероятно, что она может и распространиться; а когда пойдут все эти карантинны, да еще, чего доброго, сокращения работ, так, пожалуй, можно будет и повысить цену на наши товары.

– Zo, – сказал опять мистер Баркер, на этот раз тоном раздумья. Вдохновение, осенившее его бухгалтера, упало на плодородную почву.

– Принц, – продолжал Баркер после минутного раздумья, – у меня шутье. Надо расширить наши закупки. Но не через наших лондонских агентов, а то другие вострепнутся и тоже начнут с нами конкурировать. Фи сами никуда не ездите; мы пошлем Зтьюарта из Денди –

пусть думают, што мы готовимся к судостроительной забастовке на север. Надо закупить всего побольше. Да. Фи согласны? У меня есть гнутье.

– Но, послушайте, Баркер, неужто же вы верит в серьезность этой эпидемии?

– Ведь я же стафлю крупный деньги на эта карта, – разфе нет?

Принц и Гослинг обменялись тревожным взглядом. Да этого момента ни одному из них и в голову не приходило, что эта странная и, по-видимому, смертельная болезнь может сколько-нибудь отразиться на английской торговле.

* * *

Назад в свою контору Гослинг вернулся задумчивым и озабоченным.

– Что-нибудь неладно? – осведомился его закадычный приятель Флэк.

– Если вы насчет дел фирмы, так у нас все ладно, – загадочно ответил Гослинг.

– Так в чем же дело?

– Да вот, в этой новой болезни.

– Пфа! Вздор все это, – сказал Флэк. Он был тщедушный, узкогрудый, с вздернутыми плечами, лет шестидесяти, с жиденькой седой бородкой, чрезвычайно недоверчивый.

– А я говорю: не вздор, Флэк – далеко не вздор. Помните, я вам давеча рассказывал об этом молодом человеке, Трэйль; это он навел меня на мысль... а нынче утром ведь какие угрожающие вести из Берлина.

– Газеты всегда все раздувают, – сказал Флэк. – Они этим живут.

– Как бы то ни было, – продолжал Гослинг, – я сегодня утром прямо заявил хозяевам, что не худо бы нам, принимая во внимание обстоятельства, расширить закупки...

– Вы заявили? – Флэк сдвинул на лоб очки и из-под них смотрел на Гослинга.

– Ну, да, я.

– И что же сказал на это мистер Баркер?

– Последовал моему совету.

– Господи помилуй! Да что вы такое говорите?

Гослинг принял таинственный вид и понизил голос до шепота:

– Мне велено немедленно же продиктовать несколько писем в наше отделение в Денди, чтобы оттуда послали нашего агента, мистера Стюарта, сначала в Вену, а потом в Берлин. А отсюда ему будут даны специальные инструкции относительно размеров закупок, – я вам по секрету скажу, Флэк, они будут грандиозны – грандиозны!

– Но неужто же вы хотите уверить меня, что все это из-за чумы? Они просто воспользовались ею, как ширмой, дружище.

Гослинг положил свои налитые жиром пальцы на руку сослуживца.

– Я вам говорю, Флэк, что это дело серьезное. Когда мистер Баркер принял к сведению мой совет, а он не замедлил это сделать, мистер Принц говорит ему: «Да неужто же вы принимаете всерьез эту новую эпидемию, Баркер?» А мистер Баркер этак вскинул на него глаза и говорит: «Я на нее ставлю деньги – много денег. Ясно?» – Гослинг сделал паузу и повторил: – Понимаете, Флэк. Мистер Баркер готов вложить в эту операцию все свои капиталы.

– Господи помилуй! – Довод был так силен, что сломил даже его обычное недоверие. – Но неужто же м-р Баркер думает, что эта болезнь дойдет до Англии?

– Ну-ну, знаете, может быть, так далеко и не следует заглядывать. Но она может распространиться достаточно для того, чтоб повредить европейским рынкам; пойдут разные там замешательства, задержки, карантинны и все такое, прочее...

– Ах вот что! – Флэк вздохнул с облегчением. – Так, так. М-р Баркер человек сметливый – я всегда это говорил. – Он снова сдвинул очки на нос и вернулся к своим счетам.

Гослинг озабоченный перешел в свой кабинет и послал за переписчицей – толковой и симпатичной барышней, на которой, в числе прочего, лежала и обязанность – и не из самых легких – переводить письма своего начальника на приличный английский язык.

* * *

Гослинг был очень важен в этот день и за завтраком держал себя, как человек, который знает тайну и имеет ценные сведения, но не желает болтать о них направо и налево. Он был слишком хорошо выдрессирован и слишком предан своей фирме для того, чтобы хоть намекнуть кому-нибудь о спекуляциях, задуманных Баркером и Принцем в Германии и Австрии, но когда заговаривали о новой эпидемии, он принимал тон загадочный и авторитетный.

Когда за столом кто-то привел последнюю остроту по этому поводу, с пылу горячей принесенную из Сити и вызвавшую заслуженный общий смех, Гослинг неожиданно скривил губы и, придав своему лицу выражение необычайной серьезности, заметил:

– Но, ведь, это дело серьезное, господа, чрезвычайно серьезное.

И постепенно, из разных; более или менее хорошо осведомленных источников, в Сити пошли слухи, что новая эпидемия штука серьезная и даже очень серьезная. В тот же день к вечеру замечено было легкое падение цен на акции некоторых заводов и фабрик и легкое повышение цен на пшеницу и другие питательные продукты ввоза – что не могло быть объяснено обыкновенными причинами. Догадливость м-ра Баркера еще раз подтвердилась. Еще до пяти часов было послано второе письмо в Денди, с наказом поторопить отъезд агента.

В лоне своей семьи и в тот вечер Гослинг несколько важничал и говорил об экономии. Но его жена и дочери, хоть и делали вид, что заинтересованы темой разговора, тем не менее, остались при убеждении, что глава семьи сумеет использовать с выгодой для себя тревожные слухи.

Как после говорила Милли Бланш, отец всегда сумеет выдумать какой-нибудь предлог, чтобы не дать им денег на наряды. Пяти фунтов, которые удалось вытянуть от него, не хватило даже на самое необходимое, и девицы обдумывали новый план атаки.

– Нам прямо-таки необходимо как-нибудь раздобыть еще три фунта, – говорила Милли. И Бланш всецело соглашалась с нею.

Запертая дверь

После известия о новом случае моровой язвы в Берлин, в течение двух суток никаких тревожных сообщений не было, и Максвелл начинал уже жалеть о своих трескучих заголовках, как вдруг известия посыпались, как из мешка. В России они прорвались через цензуру, и агентства сразу наводнили редакции детальнейшими сообщениями. Оказалось, что в восточной России было уже несколько тысяч случаев заболеваний; эпидемия захватила и север, и юг; в Харькове и Ростове люди умирали сотнями; в Петербурге было уже двенадцать случаев заболеваний. Новостей навалило сразу столько, что невозможно было разобраться, которые из них могут быть правдивы и которые, несомненно, ложны.

Утренние газеты отвели все свободное место эпидемии и ради нее даже выбросили кой-какие сообщения, касающиеся сегодняшнего открытия парламента, Но телеграммы, появившиеся в вечерних газетах, оставили в тени все утренние. Сообщалось о новых одиннадцати случаях заболеваний в Берлине, трех в Гамбурге, пяти в Праге и одном в Вене. Но еще важнее было известие, что в Москве умерло от этой язвы одно очень высокопоставленное лицо, имевшее все шансы уцелеть, а в Берлине – профессор Шлезингер, известный врач-бактериолог, заразившийся, по-видимому, во время исследования крови первого заболевшего в Берлине.

До тех пор англичане почему-то воображали, что эта странная новая болезнь губит только крестьян, китайцев и, вообще, людей низов, но тут оказывалось совсем иное.

Тем не менее, большинство читателей, пробежав сенсационные известия, по привычке перешли к несколько сокращенному отчету об открытии парламента. И во многих домах было не столько разговоров о новой язве, сколько споров о церковном билле и о вступительной речи короля, в которой он обещал провести этот билль в следующую сессию. Многие противники билля соединяли обе темы, уверяя, что эпидемия свыше посланное предостережение за измену церкви. Что там, где-то в Азии, погибло полмиллиона или около того китайцев – это было так, легкий намек; теперь пошли уже более настоятельные предостережения. Кто знает, если этот святотатственный билль пройдет, быть может, зараза не пощадит и Англии. И древних пророков, ведь, не слушали... Сторонники господствующей церкви с радостью ухватились за это оружие...

Но что это собственно была за новая болезнь и как она проявлялась – ни одна газета пока еще не умела объяснить. Симптомы ее не были описаны ни одним врачом-специалистом, ибо несмотря на все предосторожности, врачи оказывались особенно восприимчивыми к заразе. Из одиннадцати умерших в Берлине четверть были врачи.

По описаниям профанов, симптомы были, вкратце, таковы: прежде всего, жестокая боль в затылке; затем период сравнительного облегчения, длившийся от двух до пяти часов. Затем следовало онемение конечностей, быстро переходившее в полный паралич. Смерть наступала через двадцать четыре часа – самое большее, через двое суток от начала болей. Из заболевших, пока еще, ни один не выздоровел. Знаменитейший врач в Лондоне утверждал, что, по описанию, болезнь эта не что иное, как неведомая дотоле форма cerebro-спинального менингита силы небывалой, и доказывал, что называть ее моровой язвой, или чумой нет никакого основания, но публика уже подхватила это слово, и эпидемию до самого конца, называли не иначе, как новой чумой, или новой моровой язвой.

* * *

На следующее утро весь Лондон зачитывался сенсационной статьей Джаспера Трэйля. Она появилась впервые в «Daily Post», но с заявлением: «разрешается перепечатывать», но все вечерние газеты взяли из нее большие выдержки, а некоторые перепечатали ее и целиком.

Статья начиналась с указания, что в сравнительно недавние века своей цивилизации, Европа неоднократно подвергалась эпидемиям чумы. От тринадцатого до семнадцатого века, писал Трэйль, Черная Смерть – как все полагают ныне, представлявшая собою одну из форм бубонной чумы – на практике не выводилась в Англии. Еще не так давно огромное количество людей всех сословий умирало от оспы, как в наше время умирают от туберкулеза. И чума, и оспа, как это бывает со многими заразными болезнями, постепенно ослабевали в силе. Путем устранения организмов, наиболее восприимчивых к заразе и слишком слабых, чтобы преодолеть силу яда, и выживания других, настолько сильных, что они либо оказывались совсем невосприимчивыми к заразе, либо умели справиться с ней, человечество постепенно приобретало иммунитет по отношению к некоторым болезням, свирепствовавшим в прошлом. Несомненно этот иммунитет приобретался ценою множества меньших зол. Но, все же, этот сравнительный иммунитет, фактически, был одним из способов эволюции человека в сторону совершенной физической организации.

«Но примите во внимание, – писал Трэйль, – что страшная болезнь, которая теперь грозит нам, совершенно человечеству неведома и не испытана им. Сколько нам известно, ее никогда и нигде не наблюдалось не только у человека, но и у животных. В половине четырнадцатого века Черная Смерть в некоторых местностях выкосила более двух третей всего населения и, несмотря на все современные усовершенствования санитарии и общей гигиены, нет оснований быть уверенным, что эта новая эпидемия не окажется такой же, или еще более губительной. И, наконец, нет ровно никаких оснований надеяться, что Англия будет пощажена ею.

Судя по рассказам китайцев, „новая чума“ неоднократно посещала за последнее столетие Тибет. Пока у нас нет проверенных фактов, чтобы строить на них гипотезы, но по-видимому, какая-то бактерия, или бацилла, быть может, тысячи лет жившая в крови животных низшего порядка, и для них безвредная, быть может, тысячи лет не проникавшая в кровь человека и, вначале, для него тоже сравнительно, безвредная, постепенно эволюционируя, переродилась в новый вид и стала для него губительной. Возможно, что, достигнув предела своей эволюции, она вырождается и исчезнет. Но, до тех пор, что же станется с человечеством? Мы так мало знаем об истории жизни бесконечно малых. Пока эволюция в ходу, мы ее не видим и не замечаем; можем ли мы быть хоть уверены, что этот, неведомый нам, но видимый в его проявлениях новый организм не изменит хода всей истории человечества?

Если я распространяюсь об этом, то лишь потому, что мы так упрямы, так ограничены, так крепки в своих предвзятых мнениях; на основании процесса жизни за несколько известных нам тысячелетий мы, не задумываясь, утверждаем, что этот процесс прерван быть не может. За немногие годы нашей индивидуальной жизни мы привыкаем видеть действие кажущихся незыблемыми законов, причины и следствия и не хотим верить, чтобы эти, выдуманные нами, законы могли иметь исключения. Но теперь, перед лицом очевидности, нам безусловно необходимо понять и уяснить себе, что перед нами новый фактор жизни, который угрожает гибелью всему роду человеческому. Нельзя успокоить себя верой, – вытекающей из нашего тщеславия, – что мир создан для человека. Мы обязаны принять меры самозащиты, и безотлагательно, не уповая долее на Провидение, которое всегда действует на благо нам.

Эти меры самозащиты ясно показываются. Мы должны запереть свои двери и не впускать к себе чуму. Карантин не достаточно – надо прекратить всякую торговлю с Европой, пока не

минует опасность. Благодаря счастливой случайности нашего географического положения, мы можем изолировать себя от остального мира. Запрет же нашу дверь, пока не поздно».

* * *

Если б публика не была так напугана предшествующими известиями, на статью Трэйля не обратили бы внимания – или высмеяли бы ее. Но теперь, в момент волнения и страха, на некоторых, она произвела сильное впечатление: начались разговоры о «запертой двери», митинги, агитация. Печать по этому вопросу, сразу раскололась на две категории: либеральную и консервативную.

Во главе последней выступил «Таймс», разбивший в пух и прах доводы Трэйля. Но еще больше сенсации вызвало появление в «Дэли Мэйль» двух статей, принадлежавших: одна перу бактериолога, Другая – известного профессора экономиста. И не столько первая, основанная на гипотезах, сколько вторая, настолько убедительная, что она пошатнула убежденность многих приверженцев «запертой двери».

Профессор экономист доказывал, что Англии при запертых дверях не просуществовать и месяца. Даже, если начать готовиться сейчас же выписать в большом количестве зерно из Канады, консервы из Америки и пр. и пр., даже при огромном запасе всех продуктов ввоза, невозможно изолироваться более, чем на три месяца. Далее, профессор ставил на вид, что прекращение, хотя бы и на время, торговли с границей, убьет английскую промышленность, и горячо увещевал страну остерегаться лжепророков, пессимистов и оппортунистов, которые соблюдают только свою выгоду, не заботясь об общем благе.

Статья была превосходная, одна из лучших, когда-либо помещенных в «Дэли Мэйль» – и она также была перепечатана всеми прочими газетами.

«Дэли Пост» на другой день возразила, что профессор экономист противоречит сам себе, что по вопросу о реформе тарифов он утверждал совсем другое, но это не произвело впечатления. Не все ли равно, что профессор противоречит сам себе, когда его доводы так здравы, так неотразимы? Тут нужно одно: нажать на санитарный департамент. И все будет благополучно.

Представители огромного семейства Гослингов в конторах, складах и магазинах, как и следовало ожидать, шли по линии наименьшего сопротивления. Но вопросы Флэка, как он относится к перспективе «запертой двери», Гослинг рассудительно отвечал, что «уж это слишком».

Флэк, от природы недоверчивый, тоже склонен был так думать, но уверенность коллеги разбудила в нем дух противоречия.

– Ну, я бы так уверенно не говорил. По-моему, дело плохо.

– Плохо то плохо, но, все же, головы не следует терять, – возражал Гослинг. – С одной стороны, уж, наверное, дело обстоит не так безнадежно, как говорят; с другой, политика «запертой двери» грозит разорением и гибелью сотням тысяч человек – с этим надо считаться.

– Лучше пусть погибнет несколько тысяч, чем все.

– Ну, до этого не дойдет, дружище. Этого не чего бояться. Надо только, чтобы санитарный департамент не сидел, сложа руки. Необходимо установить самый строгий карантин – вот что надо делать.

Действительно, это казалось самой практической и единственной мерой, которую можно было принять в предупреждение заразы. Приверженцы «политики запертой двери» быстро убывали. Этот план действий был слишком непрактичен.

* * *

В течение февраля и первой половины марта новая чума распространялась по Средней Европе, но не с ужасающей быстротой.

В десятых числах марта в Берлине насчитывалось более 500 человек, умерших от этой болезни, в Вене – около 450, в Петербурге и Москве не больше того; во Франции, пока, было сравнительно мало заболеваний, а в Испании и Португалии не было вовсе.

Многие авторитеты сходились в убеждении, что смертность от чумы достигла максимума и теперь пойдет на убыль. Больше того: очевидно, первые сведения о заразительности новой болезни были сильно преувеличены, так как до сих пор на Британских Островах не было ни одного случая заболевания, несмотря на обширную торговлю Англии с континентом. Правда, всюду установлены были строжайшие двухсуточные карантинные для приезжающих – выяснилось, что инкубационный период продолжается около пятидесяти часов – но, пока, еще ни один из прибывших из-за границы не был задержан и отправлен в госпиталь. Из этого выводили заключение, что новая чума не так заразительна, локализуется в определенных центрах и не легко переносится из одного места в другое.

Тревожило только одно – страшная смертность среди врачей и бактериологов, пытавшихся распознать и изучить зародыши новой болезни. Девять английских бактериологов, дерзнувших на мученичество ради науки, поехали в Берлин на чуму – и ни один не вернулся. Вследствие такой особой восприимчивости бактериологов и врачей к заразе, относительно общего характера, свойств заразы и ее действия большая публика оставалась еще в полном неведении.

К половине марта сложилось убеждение, что строгость карантинных правил наносит большой ущерб торговле и должна быть ослаблена. Иностранные правительства, ведь, тоже сознают серьезность грозящей им опасности и делают все возможное для локализации эпидемии. Вначале страна была напугана – это естественно – но теперь успокоилась и видит, до какой степени опасность была преувеличена.

При втором чтении церковного билля, перед Пасхой, правительство одержало победу девятнадцатью голосами, и все Гослинги, уже привыкшие к чуме и только клявшие ее за то, что она вредит торговле, с радостью сосредоточили свой интерес на новой теме. Все они были убеждены, что на новых выборах консерваторы пройдут подавляющим большинством.

А так как либералы уже более десяти лет держали власть в своих руках, такая перспектива никого не устрашала.

Но в этот критический момент к полному удовольствию поборников господства Евангелической церкви – новая чума принялась всерьез косить людей.

Бедствие

Россия опустошалась быстро. Сообщение с Москвою было прервано, но не в виде меры предосторожности, а потому, что вся жизнь города была парализована. Люди падали мертвыми на улицах, и хоронить их было некому, кроме женщин. Началось повальное бегство из города. Дороги были запружены пешими и ехавшими в экипажах, так как поезда перестали ходить.

Известия об этом пришли не сразу: они просачивались понемногу; каждые два-три часа получались телеграммы, сначала подтверждавшие, потом опровергавшие, потом окончательно подтверждавшие полученные раньше вести о бедствии.

Эти вести вызвали нечто в роде войны – в целях самозащиты. Германия выслала на границу войска, чтобы задержать приток эмигрантов из России и Царства Польского; Австро-Венгрия поспешила последовать ее примеру.

Парламент собрался раньше, чем кончились пасхальные вакации. Необходимо было спешить с решительными мерами, и премьер объявил палате, что он вносит билль о немедленном прекращении всякого сообщения с Европой.

Несомненно, теперь и Англия порядком струхнула, но века опеки и заботы правительства о населении создали веру в свою безопасность, пошатнуть которую было не легко.

Приверженцы «политики запертой двери» воспрянули духом; теперь им было легко вести пропаганду, но все же и теперь оставалось много утверждавших, что опасность сильно преувеличена. И, когда «Evening Chronicle» вышла с длиннейшей передовицей, доказывавшей, что «билль о Запертой Двери», – как его уже успели прозвать – не что иное, как фортель, выкинутый правительством, с целью удержаться у власти, наступила заметная реакция. Разрыв всяких сношений с Европой представлялся слишком крутой и невыгодной мерой, и к консерваторам, восстававшим против нее, присоединилась часть либералов, лично заинтересованных в том, чтоб она не прошла.

На партийных собраниях оппозиция ликовала: «Если нам удастся на этом голосовании билля свалить правительство, вся страна будет за нас... все промышленники Севера поддержат нас... даже и шотландцы... мы снова и в громадном большинстве вернемся к власти...» Эта перспектива была так соблазнительна, что партия, не задумываясь, сделала билль своей партийной ставкой.

Времени терять было нельзя, так как билль решено было внести уже через четыре дня после открытия парламента, и партийная агитация кипела во всю. И на втором чтении билля палата, если не была битком набита, то лишь потому, что значительная часть населения, в том числе и многие депутаты, в это время уже были на пути в Америку. Все большие океанские пароходы уходили переполненными и возвращались, вопреки обыкновению, нагруженными исключительно пищевыми продуктами.

Речь премьера в защиту и обоснование билля была выдающаяся по своей искренности и серьезности. Он перечислил все меры, принятые для того, чтобы страна не страдала от недостатка съестных припасов, и убедительно доказал, что, пока сохранилось сообщение с Америкой, бояться голодовки нечего. При этом он подчеркнул тот факт, что все американские порты уже закрыты для всех эмигрантов из Европы, за исключением прибывающих из Великобритании, и, если на Британских островах отмечен будет хоть один случай заболевания чумой, тогда, действительно, чрезвычайно трудно станет получить пищевые продукты из Америки и Колоний. Он умолял Палату не примешивать партийных интересов к обсуждению такой неотложно-необходимой меры, от которой зависит безопасность Англии, доказывая, что в такой критический момент, не имеющий прецедента в истории человечества, обязанность каждого гражданина забыть о своих личных интересах и быть готовым всем пожертвовать для общего блага.

Речь эта, несомненно, произвела большое впечатление, но впечатление это было разбито ответной речью лидера оппозиции, м-ра Брамптона. Он весьма прозрачно намекнул, что внесение билля со стороны правительства не что иное, как военная хитрость и поход на избирателей. Он издевался над трусостью тех, кого пугает «русская эпидемия», и закончил советом не терять самообладания и хранить подобающую британцам стойкость и хладнокровие, вместо того, чтобы запереться на ключ и погубить свою торговлю. «Неужто же мы такие трусы, что, как кролики, при первой же тревоге, забьемся в свои норки?»

Прения, хотя и долгие, ничего к этому не прибавили; голоса разделились, и правительство было разбито – десятью голосами.

* * *

К десяти часам вечера об этом знала уже вся страна, и всюду значительное большинство молодого поколения не склонно было принимать всерьез опасность. Оно почти радовалось ей: тут пахло авантюрами, а молодость, ведь, не мыслит смерти в применении к себе, а лишь по отношению к другим.

– А знаешь, если эта дурацкая чума и вправду к нам придет... – говорил молодой человек лет двадцати двух, сидя с приятелем в буфете гостиницы «Коричневый Шарик».

Приятель высоко поднял ноги, поставил их на перекладину своего высокого табурета и подмигнул девице, стоявшей за прилавком.

– Ну? Так что будет тогда? Говорите же, – заинтересовалась буфетчица.

– Тогда, брат, тем, кто останется, будет лафа.

– Да, ведь останутся-то, говорят, одни только женщины, – возразила буфетчица.

– Ого! Вы, должно быть, не здешняя, – изумились молодые люди.

– Конечно, нет. Я лондонская. Вчера только приехала и не останусь долго, если у вас всегда так, как сегодня. За весь день не было и дюжины гостей; да и то придет человек, наскоро опрокинет стаканчик и уйдет – даже не посмотрит, какие у меня волосы: черные или каштановые.

Молодые люди оба немедленно же сосредоточили, свое внимание на хорошенькой белокурой головке так жестоко обиженной продавщицы.

– Ну, это вы напрасно. Я сразу заметил, что вы блондинка, поспешил заверить один из них.

Другой, до тех пор больше молчавший, вынул папироску изо рта и сказал: – Сейчас видать, что настоящий цвет – перекисью водорода такого не получишь. Продавщица подозрительно воззрилась на него.

– Успокойтесь, деточка, он это без хитрости сказал. Дикки человек серьезный; притом же это по его части – он представитель оптовой торговли химическими продуктами.

Дикки серьезно кивнул головой и с видом эксперта повторил: – Я сразу вижу, когда цвет неподдельный.

– Вот это я люблю, когда человек смотрит не мимо, а не то, что у него перед глазами, – одобрительно заметила продавщица. И Дикки скромно принял комплимент, заметив, что у него уж такая работа: ко всему зорко присматриваться.

– А вот большинство мужчин слепы, как летучие мыши днем, – возразила продавщица и начала приводить такие примеры из личного своего опыта, что все трое увлеклись беседой и не особенно были довольны, когда она была прервана появлением нового посетителя.

Это был невысокого роста блондин с нафабранными и закрученными усиками. Он подошел к буфету с видом завсегдатая и удивился:

– Что такое? А где же Цилли? Вы, верно, здесь, недавно?

Продавщица, сразу распознав *habitué*, подтвердила, что она здесь всего второй день.

– А я целых два месяца здесь не был, – пояснил блондин и заказал «скотч». Он, очевидно, соскучился по хорошей компании, так как принес себе стул, уселся неподалеку от буфета и заговорил, обращаясь ко всем трем разом:

– Я только сегодня вечером приехал из Европы. И, знаете, так рад, что вернулся, домой – сказать вам не умею, что там только творится!.. – Он повел левой рукой жестом ужаса и отворачивания и залпом выпил полстакана виски.

Дикки приготовился слушать внимательно, в то же время не менее внимательно разглядывая во всех деталях костюм приезжего. Дикки слыл модником и должен был поддерживать эту свою новоиспеченную репутацию. Его приятель насупился и попробовал было продолжать приватный разговор с хорошенькой продавщицей, но эта молодая особа, понимая разницу между случайным посетителем и завсегдатаем, поощрила последнего приветливой улыбкой и возгласом:

– Так вы из Европы? Подумайте!

– Да, знаете, и рад, что выбрался оттуда. Два месяца ездили там по разным городам, больше все в Германии и Австрии – но последние две недели только даром тратил время. Никаких дел нет.

– Да что вы? – с серьезным видом удивился Дикки.

– Ах, вы это про чуму! – заметил его друг. – Она и так нам надоела до смерти. Уж сколько времени в газетах только об этом и кричат. Я бы хотел забыть о ней.

Блондин перегнулся вперед и поставил на прилавок свой пустой стакан. – Налейте, барышня, еще. – Вы говорите: надоела. Погодите – что еще будет впереди. Это прямо ужас. Если я расскажу вам, что я видел за последнюю неделю, вы не поверите.

– А вы лучше не рассказывайте, – я и так вам верю. Да и что толку заранее трястись от страха. Лично я убежден, что до Англии она не доберется. Иначе, она давно бы уже проявилась и у нас. Я думаю, что...

Он вдруг запнулся на полуслове, пораженный выражением лица блондина. Тот сидел с раскрытым ртом и неподвижно, пристально, стеклянными глазами смотрел мимо буфетчицы на аккуратно расставленные блестящие стаканы и бутылки разных форм. Лицо его было ужасно.

Буфетчица нервно вздрогнула и отодвинулась. Молодые люди оба вскочили с мест и перенесли свои стулья подальше. У всех троих мелькнула одна и та же мысль. – Этот чистенький, опрятно одетый блондин болен белой горячкой.

Атмосфера комнаты, из веселой, интимной, мгновенно стала тревожной и напряженной, полной недоумения и страха.

Наступило жуткое безмолвие; затем раздался звон стекла; блондин, державший в руке стакан, судорожно стиснул его так крепко, что стакан лопнул и осколки посыпались на пол:

– Послушайте, что же это такое? – невольно вырвалось у первого юноши. Буфетчица прижалась к полкам и насторожилась, нервно вздрагивая. Она была девица опытная, выдававшая виды.

Голова блондина запрокинулась назад, отгибаясь все дальше, словно ее тянула какая-то невидимая сила. Глаза его, как будто напряженно следили за какой-то точкой, передвигавшейся все выше и выше вдоль стены с полками позади буфетной стойки; постепенно эта точка дошла до потолка и двигалась по потолку, по направлению к блондину.

Затем, вдруг, сразу, страшная напряженность мышц ослабла, блондин уронил голову на грудь и схватился обеими руками за затылок, дыша тяжело, прерывисто.

– Слушай. Ты как думаешь – он болен? – спросил первый юноша.

Дикки направился было к блондину: его знание химии придавало ему профессиональный вид.

– Он только что приехал из Европы... А вдруг это у него чума, – шепнула буфетчица.

Молодые люди оба отскочили назад, пробормотали что-то о том, что надо позвать доктора, и устремились к двери. Один из них сделал большой крюк, чтоб обойти блондина, сидевшего, перегнувшись вдвое и бешено тиская свой собственный затылок.

Не успела захлопнуться входная дверь, как блондин свалился на пол, издавая противные, визгливые стоны.

Буфетчица охнула и застыла на месте. – Женщины не заражаются, – выговорила она громко, чтобы подбодрить себя. Однако ж осталась стоять по ту сторону прилавка.

Несколько минут спустя хозяин гостиницы – издали – опознал блондина – это был мистер Стюарт, агент фирмы Баркер и КР.

* * *

«Высшие силы» Трэйля показали себя.

Скромное орудие, избранное ими, сделало свое дело, и оно же первое в Лондоне получило весть о результатах.

Телеграмма была адресована дирекции, но так как ни одного директоров не было в конторе, ее вскрыл Гослинг. И только вскрикнул:

«Черт!» – но таким тоном, что заинтересованный Флэк повернулся на стуле, изумился: – его сослуживец выпученными, вдруг остекленевшими глазами смотрел на голубой листок бумаги, и листок дрожал в его руке.

Флэк поднял очки на один уровень с бровями и спросил:

– Дурные вести?

Гослинг сел и вытер мгновенно вспотевший лоб платком, которым он вытирался после нюхательного табаку, заметил свою ошибку и небрежно бросил платок на конторку. Такое нарушение его неизменных привычек произвело даже более сильное впечатление на Флэка, чем его выпученные глаза и трясущиеся пальцы. Уж если Гослинг кладет на показ свой грязный носовой платок, это не предвещает ничего доброго.

– Господи помилуй! Да что такое случилось? Говорите же.

– Беда, Флэк, – слабо простонал Гослинг. – В Шотландии. Наш мистер Стюарт сегодня утром умер в Денди от чумы.

Флэк вскочил с места и схватил телеграмму, краткую, но содержательную: «Стюарт неожиданно скончался 5 пополудни. Опасаюсь чумы. Макфэй».

– Та-та-та. «Опасаюсь». Это, ведь, еще не доказательство. Они там все потеряли головы. Подтянитесь, дружище. – Я отказываюсь этому верить.

Гослинг с трудом перевел дух, заметил свой платок на письменном столе и поспешил убрать его в карман. – Может быть, у него была сердечная болезнь – а, как вы думаете?

– Ну, положим, чтоб у него сердце было больное, об этом я не слыхивал.

Гослинг взял у него телеграмму, снова внимательно перечел ее – и немножко успокоился.

– Да, тут сказано, «опасаюсь». Макфэй не написал бы так, если б он был уверен.

– Однако, вряд ли они решились бы поставить в телеграмму слово «чума», если б они не были уверены, – возразил Флэк.

Гослинг так взволновался, что вынужден был выйти и завернуть в соседний кабачок подкрепиться, – чего он не сделал со дня рождения своей старшей дочери.

Лица хозяев омрачились, когда им сообщили новость из Денди, да и весь Лондон омрачился, прочитав час спустя все подробности в «Вечерних Известиях».

Стюарт, по-видимому, проехал из Берлина прямо в Лондон, через Флешинг и Порт Виктория и таким образом, избег карантина. И не он один. Несмотря – на строгость правил, многие британские подданные переезжали границу, Не заглядывая в карантин: при деньгах устроить это было не так трудно, а Стюарту велено было денег не жалеть.

«Вечерние Известия», хоть и пустили эту новость под огромным хлестким заголовком, все же уверяли, что волноваться нет причины, что в Великобритании с такими эпидемиями справляются лучше, чем на континенте: что это – единственный случай; чума с первой минуты была распознана, (за пять часов до смерти), тело сожжено и в доме произведена самая тщательная и дорогая дезинфекция – изъят из употребления даже спальный вагон, в котором Стюарт ехал из Лондона в Денди, и также сожжен.

Лондон все еще смотрел угрюмо, но уже склонен был поздравить себя с превосходством британских методов борьбы с болезнями. «И все-таки чумы не будет в Англии, – твердили представители огромного семейства Гослингов. – Вот увидите, что не будет».

Но, часов двенадцать спустя, Англия уже; жалела, что правительство осталось в меньшинстве. Премьер, подавленный своей неудачей, немедленно подал в отставку и объявил, что не станет выставлять свою кандидатуру даже в качестве просто депутата. Его противник, Брамpton, был вызван во дворец и ему поручено было сформировать новое министерство. Общие выборы, при данных обстоятельствах, признаны были нежелательными и несвоевременными.

* * *

Мистер Стюарт умер под утро в пятницу, а уже на следующий день в субботу, 14 апреля, началась паника.

День начался сравнительно спокойно. В пределах Великобритании новых заболеваний не было отмечено, но между Лондоном и Россией, Прагой, Венной, Будапештом и другими континентальными центрами телеграфное сообщение было прервано. В Германии положение было отчаянное; повсеместно вспыхивали восстания и бунты. Многие города были объявлены на военном положении. Кое-где стреляли в разгулявшуюся чернь. В делах царил застой, а чума распространялась с быстротой степного пожара. Накануне в Реймсе заболело триста человек и более пятидесяти в Париже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.